

Как менялось восприятие потенциала онлайн-образования

Ричард Гаррет

Ричард Гаррет — директор аналитического центра «Высшее образование без границ» (Observatory on Borderless Higher Education, OBHE). E-mail: richard.garrett@i-graduate.org.

Полный текст доклада и анализ ситуации по странам доступны организациям — членам OBHE на сайте www.obhe.org.

Эта статья предлагает новый взгляд на эволюцию, роль и будущее онлайн-образования в мире. Она предназначена для тех, кто хочет понять это сложное и динамичное поле, включая руководителей и сотрудников вузов, государственных органов и компаний, занимающихся онлайн-образованием. Статья основана на докладе и серии аналитических статей, подготовленных в центре «Высшее образование без границ» (OBHE) в 2017–2018 годах. Поводом к подготовке этих материалов стало то, что, с одной стороны, дистанционное высшее образование — многообразный и относительно сформировавшийся феномен, достигший мировых масштабов, а с другой — исследований о роли онлайн-обучения в контексте высшего образования на глобальном или региональном уровне нет.

В нашем докладе мы поделили страны на пять основных категорий. Первая — «Дистанционное, но не онлайн-образование». В эту группу попали страны, где очень развит сектор дистанционного образования, но не онлайн-образования, если не брать в расчет многочисленные инициативы по внедрению массовых открытых онлайн-курсов (МООК). К таким государствам относятся, например, Египет и Индия. Вторая категория — «Онлайн-образование как второстепенный феномен». К ней относятся страны, где идет стремительный рост числа очных студентов и образование включает в себя некоторые онлайн-элементы. В таких странах дистанционное образование — несущественный в общем и целом в национальных масштабах феномен и, как правило, подразумевает периодическое посещение очных образовательных центров (примеры — Саудовская Аравия, ОАЭ, страны Африки к югу от Сахары). Третья категория — «Неявственный рост». Ее можно применить к странам (вроде Испании или Мексики), где плохо устроен учет, но тем не менее наблюдается стабильный, превышающий среднерыночные темпы рост интереса к неформальному, дистанционному и онлайн-образованию. Четвертая категория — «Явственный рост онлайн-сектора», то есть когда наблюдается явственный рост сектора

онлайн-образования и когда он опережает темпы роста рынка традиционного образования по числу учащихся (пример — США). Наконец, пятая категория «Пик/Спад», когда онлайн-образование растет в ущерб национальным вузам — лидерам дистанционного образования; это значит, что либо онлайн-образование достигло своего пика, либо его развитие выровнялось за последние годы или даже испытывало небольшие колебания (примеры — Англия, Южная Корея).

Традиционное очное высшее образование продолжает расти

Можно оценивать онлайн-образование в контексте общих для сферы высшего образования тенденций поступления в вузы и финансирования последних двух десятилетий. Сторонники онлайн-образования с самого начала говорили о том, что развитие этого направления может помочь преодолеть привычные для традиционной образовательной системы проблемы, связанные с доступностью, качеством и стоимостью высшего образования, аргументируя это тем, что новые технологии помогут достичь новых высот, недоступных при использовании привычной, стандартной инфраструктуры. Но данные о численности студентов за последние двадцать лет указывают на обратное: если верить данным ЮНЕСКО, за указанный период доля студентов среди населения во многих странах удвоилась.

В большинстве стран этот прирост никак не был связан с онлайн-образованием. В странах, проанализированных исследователями из OBHE, темпы увеличения численности обычных студентов значительно превосходят темпы роста онлайн-сектора, число студентов в котором не достигает и 10% от общего числа студентов. Интересно, что в странах, где наблюдается заметный рост онлайн-сектора, молодежи — основного контингента традиционных вузов — среди слушателей онлайн-курсов очень мало. Пожалуй, единственное исключение — Бразилия, где крупные коммерческие компании, занимающиеся предоставлением услуг в сфере высшего образования, успешно используют онлайн-обучение для привлечения большого числа новых студентов. Подобная модель оказалась востребованной и популярной среди студентов, их родителей, руководителей вузов и представителей власти, хотя многие озабочены перспективами дальнейшего расширения традиционного очного высшего образования.

Но какой ценой?

Не прекращаются дискуссии об экономической эффективности онлайн-образования. Многие преподаватели и административные сотрудники вузов считают, что разработка и реализация онлайн-программ обходится дороже, чем традиционные формы образования. Содержание и практические аспекты реализации онлайн-образования важнее, чем сам

факт использования этого нового формата обучения. Практические особенности реализации зависят от множества различных переменных и не дают сделать простые выводы и говорить о результатах, которые бы поддавались обобщению. Проведение формальной оценки зависит от наличия количественных данных, но субъективный и реляционный по своей природе характер образования требует качественных методов. То, что поддается измерению, — не всегда то, что нужно измерять.

В большинстве стран рост численности студентов никак не был связан с онлайн-образованием.

Основной вопрос в том, что онлайн-образование еще должно доказать свою относительную малозатратность и низкие издержки. Иначе говоря, несмотря на то, что некоторые формы онлайн-образования основаны на понятной модели сокращения издержек и обеспечения качества, их редко масштабируют. Если некоммерческие вузы и решают заняться онлайн-образованием, то это практически никогда не обусловлено в первую очередь желанием снизить издержки. Конечно, в мире есть примеры финансово успешных, популярных, качественных и заслуживающих уважения онлайн-программ. Но суть в том, что разработчики онлайн-программ зачастую акцентируют внимание на преимуществах такого образования, а не на его стоимости и устанавливают расценки, руководствуясь привычными представлениями о том, что цена — это и есть показатель качества.

Что можно сказать о трансграничном онлайн-образовании?

Еще одной причиной восторженного отношения к онлайн-образованию на заре его становления были представления о том, что использование новых технологий приведет к разбалансировке (в хорошем смысле) сложившихся национальных систем высшего образования, позволив толпам онлайн-студентов виртуально путешествовать за пределами своих стран. Но опять же на практике все оказалось иначе. На самом деле традиционная международная студенческая мобильность усилилась за последние 20 лет в три раза, и сейчас число международных студентов в мире почти достигло 5 миллионов, в то время как трансграничное онлайн-образование развито по-прежнему слабо.

Доклад аналитического центра «Высшее образование без границ» содержит данные по Австралии, Великобритании и США, которые показывают, что доля дистанционных и онлайн-программ в международном

высшем образовании — во всех их формах — очень мала и что, более того, на многих таких программах число учащихся снижается. Несмотря на то что онлайн-обучение — это, безусловно, удобно и помогает так или иначе снизить расходы на образование, комбинация привычек, предпочтений и нормативных и технологических ограничений ведет к тому, что онлайн-обучение остается периферийным феноменом в контексте международного высшего образования.

Заключение

По прогнозам ЮНЕСКО, спрос на высшее образование продолжит расти, а количество студентов в мире к 2030 году удвоится — с нынешних 200 миллионов до 414 миллионов в связи с ростом населения планеты, расцветом среднего класса в странах с развивающейся экономикой и увеличением процента охвата школьным образованием. Количество студентов в мире уже удвоилось за период с 2000 по 2015 год, причем главным образом за счет традиционного очного образования, несмотря на давние прогнозы о том, что именно дистанционное обучение поможет решить неизбежную проблему пропускной способности современной системы высшего образования. Но если мы ожидаем, что к нынешним студентам добавится еще 200 миллионов, то на практике это осуществимо лишь при условии, что онлайн-обучение начнет играть более стратегически важную роль.

Во многих странах степень охвата стабильным широкополосным интернетом почти достигла критической массы, а это неперемное условие развития онлайн-образования. Власти все чаще осознают, что онлайн-образование — это инструмент, который может использоваться по-разному (иногда во благо, иногда во вред), а не просто явление, которое стоит слепо пропагандировать или, наоборот, порицать. Тем не менее пока сложно себе представить, чтобы полноценные программы онлайн-образования завоевали бы большую долю рынка бакалаврского образования и привлекли бы много молодежи — традиционной аудитории обычных вузов. Онлайн-обучение не может конкурировать с традиционными формами обучения, предполагающими путешествия, погружение в новую среду и неформальное общение, особенно это верно для международных студентов. Возможно, онлайн-обучение (в частности, если речь идет об относительно коротких программах, о программах постбакалаврского уровня) станет более привлекательным для более опытных, более взрослых студентов, которые ценят комфорт онлайн-образования при условии, конечно, его высокого качества.

Вероятно, для многих вузов и студентов самым предпочтительным вариантом окажется смешанное обучение, то есть сочетание очного и онлайн-обучения. Смешанное обучение — это когда онлайн-элементы дополняют традиционное очное образование, а не идут с ним вразрез; когда онлайн-образование идет на пользу учащимся и сотрудникам вузов вне зависимости

от места их проживания (по крайней мере в городской местности); когда удается креативным образом сочетать индивидуальное и групповое обучение, очное и дистанционное. Такой подход к онлайн-обучению позволит состыковать траектории развития очного и онлайн-образования, что, безусловно, отвечает долгосрочным интересам большинства вузов.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2019.97.10935>

Максимизация социальной миссии университетов

Эллен Хэйзелкорн

Эллен Хэйзелкорн — почетный профессор и директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института, советник по вопросам образовательной политики в консалтинговой организации BH Associates (Ирландия). E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.

В автобиографической книге «Становление», вышедшей в 2018 году, Мишель Обама рассказывает о детстве, прошедшем в южной части Чикаго (США), и пропасти, которая разделяла университетский район и его окрестности. Она пишет: «Почти для всех, с кем вместе я росла, было ясно, что “элитное” — это значит “не для нас”. Серые здания [Чикагского университета] стояли, в буквальном смысле повернувшись к окружающим улицам глухой стеной... Как и многие другие жители южных районов города, моя собственная семья относилась к Чикагскому университету заведомо скептически, несмотря на то что когда-то моя мама с радостью проработала там целый год».

Воспоминания Мишель переключаются с результатами опроса, проведенного в Великобритании в 2018 году. Согласно полученным результатам, 58% респондентов гордятся своими местными университетами. При этом 35% не смогли вспомнить ни единого действия, предпринятого местными университетами для укрепления связей с местным сообществом. 30% респондентов из числа людей с наиболее низким социально-экономическим статусом отметили, что никогда в жизни даже не были на территории расположенного неподалеку университета.

Важно ли это?

Университеты работают на пользу общества, играют ведущую роль в образовании нации, в продвижении науки, в формировании интеллектуального и общественного дискурса. Но в условиях повышения социально-экономического и регионального неравенства между странами и увеличения мировой экономической конкуренции растет озабоченность такими вопросами, как студенческая успеваемость, результаты обучения и трудоустраиваемость выпускников. Возникают вопросы относительно ценности образования и науки и их вклада в решение задач национального и местного уровня. Растет обеспокоенность тем, что вузы слишком много внимания уделяют международной репутации и статусу и занимаются этим в ущерб социальным задачам. Подобные настроения отражаются в падении доверия к государственным учреждениям и элитам.

Общества и политики многих стран все чаще требуют, чтобы университеты стали более социально ответственными и увеличили вклад в развитие городов и регионов. Университетам приходится выходить за привычные рамки обучения и науки, покидать собственные стены (в прямом и переносном смысле), чтобы найти оригинальные и эффективные способы налаживания связей с местным сообществом и регионом.

Из-за этого набирают актуальность три важных и взаимосвязанных вопроса: 1) отношение населения к предоставляемым государством услугам, в том числе к образованию; 2) уровень взаимодоверия между различными общественными группами; 3) заинтересованность общества в грамотном и эффективном использовании общественных ресурсов на благо и с пользой для социума.

Курс на вовлеченность

В последнее время важное место в правительственной — и, соответственно, университетской — повестке дня занимает так называемая вовлеченность (engagement). Раньше любую деятельность вузов, которая не относилась к обучению или науке, описывали как «общественную работу». С течением времени под «общественной работой» стали понимать участие во внутривузовских комиссиях и/или в профессиональных объединениях. Сейчас ключевой вопрос — это взаимодействие вузов, общества и экономики. Вовлеченность стала весомым элементом формирования национального политического курса, инструментом институционального профайлинга и одним из показателей результатов деятельности в более широком контексте повышения прозрачности вузов и управления системами.

Под эгидой ОЭСР проходил проект, посвященный изучению взаимоотношений между вузами и местным сообществом в 40 регионах и городах и выявлению факторов, способствующих и препятствующих